

Н. К. Фролов

Тюменский университет

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НЕРУССКОЙ ТОПОНИМИИ ТЮМЕНСКОГО ЗАУРАЛЬЯ

В статье делается попытка затронуть некоторые теоретические аспекты изучения заимствованной топонимии и ее функционирования в русской языковой среде. Фактическим материалом для решения поставленной задачи послужили русские топонимические заимствования, изъятые нами из письменных исторических и картографических источников и картотеки полевых записей названий на территории Тюменской области.

Как известно, развитая региональная система географических названий состоит из собственноязычных топонимов, к которым исторически присовокуплялись топонимы из языков живших в прошлом на данной территории и соседних народов. Естественно в этой связи внимание исследователей к принципам номинации, приемам "называния" географических реалий, выявлению общих критериев, позволяющих установить мотивировочные признаки географического имени. Среди них, как правило, выделяют физико-географические особенности объектов и окружающей среды, материальную и духовную культуру человека. Общность признаков объектов, реализованных в номинациях, дает возможность судить о тенденциях, закономерностях во взаимоотношениях между предметом мысли и обозначающим его словом.

Учет закономерностей ономастических номинаций приводит к обнаружению топонимических универсалий, базирующихся на способности человека отбирать и закреплять в названиях типичные экстралингвистические и лингвистические явления¹. В условиях контактирования лингвостанов или билингвизма, когда закладываются основы гетерогенной топонимической системы, топонимические универсалии нередко служат ключом к открытию механизма лексико-семантического взаимодействия и взаимообогащения географическими названиями двух и более языков.

1. См.: Суперанская А. В. Ономастические универсалии. - В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 347-348.

Очевидные или сравнительно легко устанавливаемые номинации в области собственнойязычной топонимии являются как бы отправной точкой семантической интерпретации как при синхронических, так и при диахронических исследованиях особенно тех наименований, которые имеют географическую, связанную с сущностью самих объектов обусловленность. Это, разумеется, не дает надежной гарантии для установления исторической семантики и далее – этимологии конкретного топонима, хотя и не исключает, при учете лингвистических, исторических и географических факторов, научной объективизации гипотетических этимонов².

Скрытые номинации, относящиеся к области диахронии собственнойязычной, синхронии и диахронии иноязычной топонимии могут быть раскрыты в ходе реконструкции различных уровней соответствий топонимических систем и закономерностей их автономного развития. При этом приходится обычно сталкиваться с явлениями топонимической трансференции и интерференции. Трансференция в топонимике – это исторически обусловленная этнолингвистическая преемственность топонимов в их системе, процесс перехода из поколения в поколение географических названий определенной территории. Интерференция имеет место тогда, когда элементы структуры одного языка проникают в другой, что является вполне естественным в условиях языковых контактов. Оба отмеченные явления по-разному отражают скрытые номинации, оказывают свое влияние на семантику заимствованного названия и все изменения, которые проявляются в ходе длительного функционирования топонимов.

Воникновение географического имени всегда мотивировано, но со временем подавляющее большинство первопричин и мотивов появления названия забывается. Ставшее непонятным для нового поколения наименование может быть переосмыслено на основе звуковых или смысловых ассоциаций со словами живого языка, метонимии или других причин. Семантическим переосмыслениям подвергаются не все собственныеязычные топонимы, а

2. См.: Отин Е.С. Принципы этимологизирования топонимов, – В кн.: 19 Республіканська ономастична конференція: тези. Київ, 1969, с. 12-15.

лишь те из них, которые с утратой исконной "внутренней" формы могут в речевой ситуации приобрести новую, отличающуюся от старой³. Аналогичная ситуация наблюдается и в случаях топонимического заимствования. Модификация "внутренней" формы заимствованного топонима может произойти не только в момент передачи, но и по истечении определенного времени его использования, хотя, разумеется, далеко не все заимствованные топонимы подлежат переосмыслению.

Наличие или отсутствия "внутренней" формы, т.е. первоначального значения наименования, не является главным для его функционирования, так как основное назначение топонима — обозначать и указывать, выделять и различать один объект в ряду других объектов, причем адресная функция географического названия всегда превалирует над дескриптивной. Переосмыслению обычно подвергаются топонимы, которые неудобны в произносительном отношении. Последнее особенно актуально при интерпретации топонимических заимствований, пути освоения которых нуждаются в теоретических обоснованиях и практических исследованиях.

Одним из этих путей, как известно, является калька. В условиях билингвизма или живого языкового контактирования обычно происходит прямое калькирование, в том числе полное или частичное. Полная калька представляет собой точный перевод иноязычного названия на русский язык: ур. *Средняя Сопка* < нен. *Ерусёда* (Ям), оа. *Теплое Озеро* < нен. *Ибейто* (Нд), оа. *Язевка* < селькуп. *Легальты* (Кс), угодье *Болотное* < селькуп. *Чендальто*, букв. "Мокрое" (Кс), оа. *Песчаное* < хант. *Санкэйлор* (Сг).

Частичное или неполное калькирование (полукалька) имеет место в случаях неполного перевода заимствованного топонима, когда неизменным остается один из компонентов названия:

а) детерминатив: р. *Сухой Аган* (офиц.) — Сорнъехан (хант. местн.), р. *Сырой Аган* (офиц.) — Няръехан (хант. местн. — Нв), р. *Малый Посол* (офиц.) — Айпосол (местн. — Нд), оа. *Большой Бурян* (офиц.) —

3. См.: Ковалева Н.Б. О семантическом переосмыслении топонимов. — В кн.: Ономастика Поволжья. Горький, 1971, вып. 2, с. 136-138.

Ольбурян (тат. местн. Ял); б) атрибутив или субстантив: о́в. В о т о о́з е р о , Ок. (хант. манс. вот "ветер"), р. В и а и м - П р о т о к , Ир. (к-анр. виэим "быстрый"). Последний тип полукалек широко известен в топонимии Европейского Русского Севера, где русские имели длительные контакты с финно-угорскими народами. В наших материалах подобные кальки в небольшом количестве распространены в местах бывшего контактирования русского с автохтонным населением, являясь, по-видимому, отголоском севернорусской топонимии, под влиянием которой частично проходило формирование русской топонимии Тюменского Зауралья. Обращает на себя внимание регулярность полукалькирования только сложных аборигенных топонимов.

Что же касается полукалек первого типа (Большекурт - Ункурт), то их интерпретация представляется довольно сложной. Во-первых, часть географических апеллятивов (е х а н , у р м а н , у р а й , к у р т / г о р т , т о р , л о р , т у р , э м т о р , п о с о л и др.), вошедших в разговорную речь русского населения региона, послужила лексическим материалом для образования русских составных наименований типа Горный Посол, Луговой Посол (Хм). Во-вторых, кальки в топонимии могут оказаться не заимствованиями, а переименованиями одних и тех же объектов, что вполне согласуется с идеей топонимических универсалий⁴. Определенную помощь в данной ситуации оказывают так называемые метонимические кальки⁵, которые косвенно, по названию смежного объекта, фиксируют факт перевода на русский язык иноязычного топонима: русское название озера Р и б н о е (Ст) видимо, восходит к тат. Б а л ы к к у л ь , поскольку в него впадает р. Б а л ы к л а , в устье которой ранее проживали в основном татары; русская деревня О з е р н а я расположена у оз. А у л к у л ь (Тм) и одноименной татарской деревни.

Важную роль для выявления калек играют показания доку-

4. См.: Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М., 1978, с. 78.

5. Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований. - Вopr. языкознания, 1972, в 3, с. 80-81.

ментов разных лет. Так, еще в "Истории Сибири" Г.Миллера были даны варианты названий, например, городок Б е р е з о в (хант. С у м г у т - в а ш, манс. Х а л ь - У ш)⁶. В Книге Большому Чертежу (1627, 1673), Чертежной Книге Сибири 1701 г. отмечается ойконим А т л ы м (А т л ы м), А т л ы м с к и е о р т ы, который в источниках XVIII-XIX вв. выступает в двух разновидностях: А й - А т л ы м и У н - А т л ы м. В списках населенных мест 1897, 1903, 1909, 1912, 1926, 1952, 1973 гг. мы уже имеем варианты: У н - А т л ы м - Б о л ь - ш е а т л ы м - Б о л ь ш е а т л ы м с к о е - Б о л ь - ш о й А т л ы м - соврем. Б а т л ы м; А й - А т л ы м - М а л о - А т л ы м - М а л ы й А т л ы м - соврем. М а т л ы м. Любопытно, что названия близлежащих рек не изменились: У н - А т л ы м и А й - А т л ы м. Такие примеры в наших материалах не единичны.

Выявлять топонимические кальки трудно. Довольно часто повторяемые в наименованиях определения: длинный, круглый, глубокий, широкий, белый, черный, соленый, холодный, березовый, сосновый, рыбный, щучий, медвежий, лебяжий, дальний, северный и др. - могут оказаться собственнорусскими конструктами, т.е. мнимыми переводами. Поэтому они не до конца проясняют общую картину топонимического калькирования как одного из путей освоения русским населением нерусских названий. Важным в этой связи является семантический критерий, который при должной осторожности учета топонимических универсалий может дать дополнительные результаты в определении объема топонимических калек. Обнаружение конкретной топонимической кальки возможно лишь при бесспорном историко-географическом и лингвистическом обосновании.

Смысловое сближение русских и нерусских наименований предопределяется в значительной мере фонетическим и морфемным пересформированием заимствованных топонимов: р.Егорка < Егар-еган < хант. Екорткан-ехан (Ок), где екорт - диал. хант. "селение", ехан "река"; р.Катышка/Катунь (Гм) < диал. хант.

6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., т.1, с. 594.

7. См.: Воробьева И.А. К вопросу о топонимических калках. - В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976, вып.1, с.178-183.

кат "чум", ундх "ручей"; д. Еврейгорт (Шр) < хант. Евиргорт/Еврикур, где к-эвр. хант. эвр "волк", горт, кур "деревня". Переразложение и опрожнение основ явилось одновременно следствием и причиной паретимологического переосмысления: р. К о к и л г а ~ К о и л к а ~ К о л к а я, оэ. К о к к у л ь ~ К о к у л ь к а (Тм), где тат. кок "голубой", илга "река", куль "озеро"; р. К а р ы л ь к а (Ст) ~ К а р а к у л ь с к а я (селькуп. карыль "хуравлиный").

В основе фонетико-морфологического переоформления названий содержится идея приобретения мотивировки, придания заимствованному топониму такой внутренней формы, которая бы исключала инородность названия в языке-преемнике. Субстратные топонимы так или иначе, по словам Н.Б. Ковалевой, приобретают лексическую и словообразовательную мотивированность⁸. По мере их семантической адаптации проходит перегруппировка морфем, а нередко и псевдоморфологизация: р. Е л а н ь е л г а (Тм) ~ Е л а н е л к а, д. У р в а н г ~ У р в а н к а (Ок).

Приобретенный мотивировочный признак, называемый в отличие от этимологического актуальным мотивировочным признаком⁹, в одних случаях сохраняет определенную связь с этимологом: р. А н г а (диал. "Устье") ~ А н г а л ь с к и й / А н г е л ь с к и й М ы с (Пр, Тм); оэ. Л ы с о - М а р и (в полевых записях Л ы с а я М а р ь я - Тэ) ~ нен. Л э - с у М а р а "языевый песок, рыбоугодье"; д. П о с о л ь с к а я ~ р. П о с а л, П о с о л, П о с л (Нд), хант. букв. "протока"; в других случаях - никак не согласуется с этимологическим, причем реконструкция последнего требует всестороннего обоснования модификации названия, учета не только лингвистического, но и географического, и исторического критериев.

Так, в документально прослеживаемой цепочке фонетических и морфолого-словообразовательных сдвигов топонимов пос.

8. См.: Ковалева Н.Б. О мотивированности географических названий в связи с восприятием их населением. - В кн.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, вып. 1, с. 40-47.

9. См.: Рипецкая О.Ф. Суперстратные формы субстратных топонимов. - В...: Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР: Тез. докл. и сообщ. Рига, 1966, с. 31-32.

А з о в о (Шр), д. Са х а л и н (Гб) прослеживается деэтимологизация исходного названия. Значение топонима А з о - в о обычно увязывается с идеей переноса топонима переселенцами Южной России (ср.: гор. Азов в Ростовской области на Азовском море, по В.В.Радлову, тюрк. азан "нижний"), что якобы не противоречит историческим событиям и географическому положению нижнеобского топонима. В нашей картотеке отмечены следующие основные варианты топонима: пос. А з о в (о), с. А з о в о, д. А з о в н, А с о в н, урты А з о в с - к и е, урты А з о в г о р т с к и е, с. А с к у р т, А з г о р т (Я з я н г о р т), протока А з о в с к а я, А з о в с к а я. Название легко этимологизируется на основе диалекта шуршкарских хантов: ас "Объ", ов "устье", "нижнее течение"; субституция з~с, как и эпитеза о, является следствием русской адаптации хантыйского топонима. Актуальный мотивировочный признак топонима Са х а л и н в сознании современных жителей данного населенного пункта и близлежащих селений имеет однозначное объяснение: "дальний, окраинный", в основе которого заложена ассоциативная связь с названием отдаленного восточного острова Сахалин. В источниках XIX-XX вв. представлены следующие варианты топонима: д. Са х а л и н, д. Са х а л и н с к а я, урты Са х а - л и н с к и е, остяцкие урты Са х а л ь, Са х а л ь и н - с к и е, Са х а л ь с к и е, протока Са х и л ь с к а я, рчк. Са х и т п е х. Этимология названия достаточно прозрачна с учетом диалектного хантыйского чередования л/т и русской эпитезы -ин: сург. хант. сахэл, сахаль "утка, утка-чирок".

Семантическая адаптация, на поверхности которой, помимо калькирования, лежит переосмысление и последующее актуальное толкование исходного названия, привлекала внимание многих лингвистов, которые ввели в научный обиход такие частично синонимичные термины, как "наивная этимология", "ложная этимология", "народная этимология". При всей их важности и общеизвестности они не отвечают научным требованиям, ибо нечетко выражают сущность явления: подавляющее большинство этимологий, особенно субстратных и суперстратных топонимов, абсолютно условно. "Наивная этимология" в своем за-

родыше — псевдоэтимология, так как не имеет отношения к толкованию названия с помощью специальных правил и атрибутов этимологической науки. Вместе с тем ее значение велико уже потому, что она обостряет языковое чутье, ускоряя адаптацию топонимического заимствования.

Термин "ложная этимология" более привлекает своей точностью обозначения языкового явления. Во-первых, представление "неточности" и "необоснованности" интерпретации исторической семантики какого-либо топонима рождается в процессе обнаружения недостаточно квалифицированного толкования неясных по происхождению названий, во-вторых, "ложное этимологизирование" помогает выявить как актуальный семантический признак, так и выдвинуть научно обоснованные гипотезы при поиске топонимического этимона.

Под "народной этимологией", по мнению Н.Б.Ковалевой, следует понимать языковое явление, заключающееся в толковании неясных слов на основании новых, не существующих этимологически смысловых ассоциаций, возникающих из-за звукового сходства между словами, и сопровождающееся изменением фонетического облика слова, его морфологической структуры или того и другого¹⁰. А.К.Матвеев выделяет в названиях, подвергшихся переосмыслению, слова с "реализованной" народной этимологией, претерпевшие семантическую ассимиляцию с одновременным изменением в звуковой форме слова, и слова с "нереализованной", "осознаваемой" народной этимологией, испытывавшие только семасиологическую ассимиляцию¹¹. Точка зрения А.К.Матвеева поддержана Г.В.Глинских и А.И.Туркиным¹².

Указывая на несовершенство термина "народная этимология", суммарно определяющего реализации паронимических сближений, Е.С.Отин весьма точно квалифицирует слишком широкое

10. См.: Ковалева Н.Б. Русская топонимия бассейна реки Ини (семантический анализ): Автореф. канд. дис. Томск, 1972, с. 18.

11. См.: Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов. — В кн.: Этимология, 1967. М., 1969, с. 192.

12. Глинских Г.В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды: канд. дис. Томск, 1973; Туркин А.И. Топонимия Нижней Вычегды: канд. дис. М., 1972.

понятийное наполнение этого термина, универсальность которого не имеет отношения к языковым фактам, связанным с интуитивным стремлением носителей языка сделать для себя в какой-то мере логически оправданной морфологическую структуру "темных" слов путем включения их в состав анаконых корневых морфем, своей семантикой отражающих определенные свойства денотатов¹³. "Народное" этимологизирование географических названий не всегда наивное и не обязательно ложное. Оно в целом ряде случаев отражает реальные исторические события, преломленные через призму народного сознания, нацеливает на научную проверку этимологической версии и показывает степень освоенности заимствованных названий.

Таким образом, семантическая адаптация при изучении топонимических заимствований представляет двойную ценность. Во-первых, она сигнализирует об актуальном семантическом признаке, дающем возможность понять, каким путем шло устранение семантической изоляции иноязычного названия, что способствовало упрочению его места в функционирующей топонимической системе, каковы факторы деэтимологизации, ставшие причиной семантического переосмысления. Семантическим деформациям, по нашим данным, в большей мере подвержены посессионные топонимы, хотя в целом переосмысление семантики названий — явление редкое, отличающееся сугубой индивидуальностью. Оно зависит от специфики звучания и структуры заимствования, его близости к ситуативно подходящему слову языка-рецептора, а также типа обозначаемого объекта, важности последнего в хозяйственной практике человека. Чаще всего эти факторы выступают в тесном взаимодействии.

Во-вторых, семантическая адаптация приоткрывает занавес этимологической интерпретации топонимов, основой которой была и остается реконструкция формы. Сравнительная характеристика новых и старых форм на фонетическом или грамматическом уровнях будет далеко не полной без реконструкции лексико-семантических значений, поскольку слово-название — это обязательное единство формы и значения¹⁴. Однако семан-

13. Огин Е.С. Гидронимия Юго-Восточной Украины: Автореф. докт. дис. Киев, 1974, с. 8.

14. См.: Трубацев О.Н. Реконструкция слов и их значений. — Вopr. языкознания, 1980, № 3, с. 4.

тическая адаптация на пути освоения нерусских топонимов в региональной топонимической системе есть лишь одно из звеньев комплексной адаптации, составной частью которой являются фонетическая, словообразовательная и морфологическая адаптации.

Принятые сокращения в названиях районов
Томской области

Гм - Голышмановский	Тб - Тобольский
Кс - Красноселькупский	Та - Тазовский
Нв - Нитневартровский	Тм - Томский
Нд - Надымский	Хм - Ханты-Мансийский
Ок - Октябрьский	Шр - Шуршакарский
Пр - Приуральский	Ял - Ялуторовский
Сг - Сургутский	Ям - Ямалский